

Таким образом, языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их ключевых идей. Для русской языковой картины мира основные концепты заключаются в лексемах *душа, тоска, радость, раздолье, простор*. Подобные слова являются лингвоспецифическими, поскольку для них трудно найти лексические аналоги в других языках [2, с. 203].

Особенности итальянской и русской культур как совокупности материальных и духовных ценностей двух народов отражаются в их языковых картинах мира. Специфические структуры мышления выражаются в качестве единиц культуры и проявляются в виде особой организации предложений, словосочетаний, единиц, принадлежащих фразеологическому уровню итальянского и русского языков. Это факт позволяет рассматривать подобные когнитивные структуры как способы выражения национального характера, а также связывать языковую избирательность в предпочтении той или иной синтаксической конструкции с культурными ценностями носителей языка.

Список литературы

1. Бирих А. К. Русская фразеология (историко-этимологический словарь) / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М. : Астрель, 2005. – 926 с.
2. Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левотина, А. Д. Шмелёв. – М., 2005. – 287 с.
3. Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке / отв. ред. Е. С. Кубрякова. – М., 1988. – 255 с.
4. Черданцева Т. З. Язык и его образы (Очерки по итальянской фразеологии). – М. : Международные отношения, 1977. – 168 с.
5. Шмелёв А. Д. Русская языковая картина мира / А. Д. Шмелёв // Учительская газета. – 2009. – № 9. – Режим доступа: <http://www.ug.ru/archive/27478>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Birikh A. K., Mokiyenko V. M., Stepanova L. I. Russkaya frazeologiya (istoriko-etimologicheskij slovar'). M.: Astrel', 2005. 926 p.
2. Zaliznyak A. A., Levotina I. B., Shmelev A. D. Klyuchevyye idei russoy yazykovoy kartiny mira. M., 2005. 287 p.
3. Kubryakova Ye. S. Chelovecheskiy faktor v yazyke. M., 1988. 255 p.
4. Cherdantseva T. Z. YAzyk i yego obrazy (Ocherki po ital'yanskoy frazeologii). M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1977. 168 p.
5. Shmelev A. D. Russkaya yazykovaya kartina mira // Uchitel'skaya gazeta, 2009, № 9. Available at: <http://www.ug.ru/archive/27478>.

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ ВОСПРИЯТИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА (ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРИМЕНТА)

Калёнова Наталья Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, Волгоградский государственный технический университет, 400005, Россия, г. Волгоград, пр-т им. В.И. Ленина, 28; e-mail: n.a.kalyonova@yandex.ru.

В статье даётся обоснование когнитивного подхода к проблемам восприятия поэтического дискурса. Анализируя материалы эксперимента, проведённого среди носителей языка – неспециалистов, выявляющего результаты декодирования поэтического дискурса, автор приходит к выводам о когнитивно-прагматических векторах, задающих результаты декодирования произведения. Выявлена роль эмотивного содержания прагматического значения дискурса, подтверждена мысль о первичности эмоционального, ассоциативно-образного восприятия. Изучено использование фрейма в интерпретации поэтического дискурса участниками эксперимента.

Ключевые слова: В. Хлебников, когнитивно-прагматическая лингвистика, поэтический дискурс, декодирование, эксперимент, эмотивность, ассоциативно-образные смыслы

THE COGNITIVE-PRAGMATIC VECTORS OF PERCEPTION OF THE POETIC DISCOURSE OF VELIMIR KHLEBNIKOV (ACCORDING TO THE EXPERIMENT)

Kalenova Natalia A., *Doctor of Philological Sciences, Assistant Professor, Volgograd State Technical University, 400005, Russia, Volgograd, 28 V.I. Lenin ave., e-mail: n.a.kalyonova@yandex.ru.*

The author substantiates the cognitive approach to the problems of perception of poetic discourse. Poetic discourse is a complex cognitive product of speech activity not only of the poet, but also of the reader. The author focused on the product of the reader's speech activity. The subject of research is the materials of the experiment conducted among native speakers – non-specialists. The object of the research is the objectification of readers' impressions about Velimir Khlebnikov's poems. The aim of the work is to identify the factors/conditions that affect the decoding of poetic discourse, to describe the cognitive-pragmatic vectors that define the results of decoding the work. The scientist comes to the following results: reveals the role of the emotive content of the pragmatic meaning of discourse, confirms the idea of the primacy of emotional, associative-figurative perception, describes the features of the use of the frame in the interpretation of poetic discourse by the participants of the experiment. The research methods are determined by its purpose: first, an experiment was conducted in the form of a creative laboratory, then the essays were analyzed and the peculiarities of perception of V. Khlebnikov's poems were revealed.

Keywords: V. Khlebnikov, cognitive-pragmatic linguistics, poetic discourse, decoding, experiment, emotivity, associative-figurative meanings

Душу ты пьянишь, как струны,
В сердце входишь, как волна!
В. Хлебников

Можно ли эти строки отнести к самому Велимиру Хлебникову, поэту, мыслителю, новатору? Если поэтическое произведение предстаёт как дискурс, по Т. Ван Дейку, или коммуникативное событие, которое, как «когнитивная партитура», полифоничное по своей природе, включает элементы мультисемиотических систем как автора, так и воспринимающего субъекта [1, с. 6], то какими когнитивно-прагматическими векторами обусловлены механизмы декодирования дискурсивных смыслов? Образно говоря, как «входит» в сердца и души современного читателя хлебниковское слово? Каков результат интерпретации великого поэта не специалистами, а носителями современной наивной картины мира? А если опираться на идею о корреляции результатов восприятия дискурса и параметров языковой личности как субъекта восприятия, то правомерен и вопрос о том, что можно сказать об этих представителях современного языкового сообщества, анализируя результаты проведённого психолингвистического эксперимента.

Эти вопросы волнуют неспроста: мы имеем на сегодняшний день довольно богатую, что совершенно справедливо, базу изысканий, посвящённых гению Велимира Хлебникова (В.К. Акулова, Е.Р. Арензон, С.Е. Бирюков, А.В. Гарбуз, А.А. Мамаев, А.Е. Парнис, С.В. Старкина и др.), что позволяет приблизиться к профессиональному, глубокому постижению необыкновенно интересной картины мира философа. При этом мало, если не сказать вовсе не изученной, оказывается проблема восприятия хлебниковского творчества носителями современной лингвокультуры. В связи с этим следует отметить

публикации Ирины Николаевны Свечниковой, которая, анализируя динамику восприятия учащимися хлебниковского творчества, отражённую в результатах контрольных срезов, акцентирует внимание на единстве эмоционального и рационального начал: «Именно это единство позволяет им целостно и достаточно адекватно воспринять идейно-художественное содержание стихотворений» [6, с. 229]. В аспекте рассматриваемой нами проблемы интересно также замечание В.П. Григорьева о том, что «непонятность Хлебникова – это следствие нашей непонятливости, непонимания действительно сложной реальности хлебниковского творчества» [4, с. 122]. Иными словами, именно в специфике восприятия языковой картины мира проявляется и уровень декодирующей способности языковой личности, и способность к эмпатии, и умение постигнуть авторский замысел, войти в дискурсивное пространство произведения, обогатив тем самым свой внутренний мир.

В таком понимании декодирующей деятельности чтение представляется как сотворчество, в котором рождаются новые смыслы, может, и не транслируемые автором в том или ином произведении. Об этом говорили М.И. Цветаева («Чтение – прежде всего – сотворчество»), М.М. Бахтин («Чтение – сотворчество понимающих») и др. Именно процесс декодирования дискурсивных смыслов, речемыслительные операции, совершаемые воспринимающим субъектом, представляют особый интерес для когнитивно-прагматической лингвистики.

Итак, была поставлена цель – выявить когнитивно-прагматические векторы восприятия творчества В. Хлебникова носителями современной лингвокультуры – неспециалистами. Необходимо было получить исследовательский материал, позволяющий проанализировать результаты восприятия стихотворений В. Хлебникова. Для этого провели в группах студентов технических специальностей эксперимент в форме творческой лаборатории. Для чтения были предложены стихотворения «Заклятие смехом», «Времышы-камышы» и др. Необходимо было выполнить задания:

1. Прочитайте стихотворения Велимира Хлебникова. Выберите понравившееся произведение, напишите эссе «Мои читательские впечатления о стихотворении...».

2. Попробуйте создать своё небольшое произведение или придумать необычные слова. Напишите, что они означают.

Анализ эссе показал, что картина мира воспринимающего субъекта задаёт тот угол зрения, те грани декодирующей способности языковой личности как призмы, которые определяют результат декодирования дискурсивных смыслов. Можно анализировать стихотворение на профессиональном уровне, но результат интерпретации дискурса как речевое произведение, повторно рождающееся в сознании обычного читателя, – это новый когнитивный продукт, в котором отражаются не только и, как это ни кощунственно прозвучит, не столько заложенные автором интенции, сколько собственные параметры восприятия мира субъекта речемыслительной деятельности. Это особенно ярко проявляется при исследовании результатов восприятия творчества Велимира Хлебникова.

Сравним фрагменты двух эссе.

«Я выбрал произведение "Кузнечик". При чтении стихотворения у меня возникли чувства жалости к кузнечику. Автор говорит о короткой жизни млекопитающего. "Кузнечик в кузов пуза уложил", – в этой строчке, мне кажется, автор сообщает об окончании жизни кузнечика. "Пинь, пинь, пинь!" Автор показывает трагическую картину прыгающего кузнечика, попавшего под колёса транспорта» (Антон С.).

Совершенно иной ракурс представлен в другом эссе: «Стихотворение Велимира Хлебникова "Кузнечик" описывает картину трапезы кузнечика

луговой травой. При прочтении произведения слова сливаются в единую мелодию, вдохновляющую на размышления о красоте природы» (Надежда Т.).

Если попытаться реконструировать семантические цепочки, можно предположить, что реагентом когнитивно-семантических связей во вторичном дискурсе выступает слово *луза*, у одного реципиента продуцирующее ассоциативные связи «пуза – живот – жизнь», имеющие этимологические соответствия, а у другого – «пуза – приём пищи – набить пузо – трапеза». Как видим, одно и то же произведение провоцирует разные ассоциативно-образные структуры в сознании реципиентов, что задано когнитивно-прагматическими векторами языковой картины мира читателя.

Именно этот новый когнитивно-семантический объект, на наш взгляд, и есть прагматическое содержание дискурса. Индивидуальные дискурсивные смыслы, вычленимые субъектом восприятия при декодировании, составляют прагматический ресурс произведения. Противопоставляя профессиональному литературоведческому анализу процедуру и результат чтения неспециалистами, отметим, что выявление потенциального прагматического эффекта произведения следует, очевидно, сопровождать верификацией выводов экспериментальным путём.

В следующем фрагменте фактически описаны способ декодирования и его результат: «Я прочитала стихотворение "Бобэоби пелись губы..." Велимира Хлебникова. Сразу возникли смешанные чувства. После первого прочтения можно не понять, но потом я стала представлять стихотворение в жизни. Не знаю, что имел в виду автор, когда писал данное стихотворение. Но у меня возникает чувство счастья. Стихотворение, как мне кажется, описывает человека в порыве радости, а точнее, его мимику. Автор, как будто глядя на счастливое лицо человека, описывал песни, которые издают разные части его тела» (Анастасия Б.). Анастасия, автор цитируемого эссе, не смогла декодировать дискурсивные смыслы, опираясь на распознавание смысла каждого слова, и тогда «стала представлять» то, что рождалось в её сознании во время чтения стихотворения. Примечательно, что эмоциональный заряд, о котором говорится в данном фрагменте, находится в восприятии субъекта речевой деятельности как бы «поверх» содержательного слоя анализируемого дискурса. А как метафоричен образ поющих частей тела! Словно вдохновившись эстетикой хлебниковского слова, автор сам продуцирует оригинальные и поэтичные идеи.

Фрагмент анализируемого эссе как нельзя лучше иллюстрирует тезис Б.В. Томашевского о том, что «художественная речь обращается не столько к логике, сколько к воображению и чувству человека» [7, с. 32]. Эксперимент с привлечением такого сложного для восприятия материала показывает, что эмоциональные и образные смыслы «извлекаются» прежде, чем субъект декодирования погрузится в рациональное по своему содержанию поле декодируемого дискурса, а то и вовсе оказываются базовыми или единственными при невозможности распознать код, которым пользуется автор дискурса.

Подтверждением мысли о том, что «над» словом, а не в глубинных пластах дискурса рождаются для воспринимающего эмоциональные и образные смыслы, можно считать и другое эссе: «Я выбрал стихотворение "Бобеоби пелись губы..." потому, что оно показалось мне самым непонятным и мне захотелось разгадать его. Я стал внимательно читать и почувствовал растерянность. Из слов ничего не понятно. Но когда читаю это произведение, в моём сознании возникает образ "Джаконды". Не знаю почему» (Олег Ж.). В этом признании замечательным является, на наш взгляд, в первую очередь, то, что студент технической специальности выразил стремление «разгадать» шифр художника слова, что свидетельствует о том, что поэт заинтересовал читателя, повёл за собой. Во фрагменте эссе, как видим, автор признаётся, что слова, единицы произведения остаются нераспознанным кодом, а произведение

целиком как единая система во взаимосвязи внутренних и внешних её связей продуцирует поток информации.

Безусловно, эмоциональному в восприятии стихотворений Велимира Хлебникова авторы эссе уделили особое внимание: 82 % работ отражают эмоциональный отклик читателя, 18 % – описывают эмоциональное состояние автора, которое владело им в момент написания стихотворения. Например, центром анализа становится рефлексия читателя: «Прочитав его (стихотворение "Там, где жили свиристы" – К.Н.), я почувствовала тоску по какому-то месту. Я не понимала, по какому месту я начинаю тосковать, как будто когда-то я там была, но в сознательной своей жизни его не помню. Странные ощущения. Я уже несколько раз прочитала стихотворение, и не могу понять, почему оно на меня так действует» (Ксения Ш.). Неподдающиеся объяснению ощущения заставляют признать автора этой работы: «Это какой-то мистический поэт».

Спектр эмоций чрезвычайно широк: «Знаете, сначала я сама чуть не засмеялась, потому что стихотворение не содержит никакой логики, только смех. Но, может, автору так и надо было, может, это его замысел» (Яна Б.); «Шикарные строчки! Это стихотворение является нежным и мелодичным. В некоторых моментах я даже начал что-то представлять <...> И как грустно мне стало, что скоро настанет осень и они улетят. Необычный поэт этот Хлебников. Первый раз читаю его стихи. Очень понравилось» (Алексей Г.). В работах второй группы можно отметить «присвоение» автору эмоционального состояния, которое выявляет или испытывает при чтении читатель: «Я уверен, автор на момент написания стихотворения был счастлив. Замечательное произведение! Велимир действительно настоящий поэт! Используя лишь одно слово, он написал целое стихотворение!» (Георгий А.). Таким образом, эмотивные смыслы часто становятся базовыми в прагматическом содержании вторичного результата интерпретации поэтического дискурса.

В аспекте рассматриваемой нами проблемы важным представляется тезис Л.А. Шестака о том, что «восприятие текста осуществляется как восприятие слотов ситуации, приписываемых разным фреймам, то есть как конкуренция фреймов» [8, с. 328]. Действительно, реципиенты при декодировании речевого произведения, по сути, обозначали параметры той модели ситуации, которая была «распознана» при чтении произведения: «Читая стихотворение ("Заклятие смехом" – К.Н.), я представила смеющийся народ. Возможно, кто-то смеётся над человеком, упавшим в лужу, просто по-другому так сильно не смеялись бы» (Яна Б.); «Я представил ситуацию, в которой много мужчин и женщин сидят в баре, выпивают и очень много смеются. В моём представлении это происходит в пятницу после работы, когда ничего никого не волнует, нет никаких проблем, когда душа поёт, когда море по колёно, когда ты просто счастлив» (Георгий А.); «Стихотворение Велимира Хлебникова заставляет нас окунуться в древние времена, в историю кабаков и пиратов. Данное произведение отправляет нас на пиршество пиратов, отмечающих свою победу» (Валентина К.). Эти параметры, да и сами ситуации, безусловно, открывают путь к тем когнитивным конструкциям, которые в своей совокупности составляют содержание языковой картины мира реципиента.

Иными словами, что есть в этой картине мира, то и воспроизводится: «При чтении стихотворения "Времышы-камышы" Велимира Хлебникова у меня возникли очень тёплые воспоминания из детства. На летних каникулах со своим дедушкой я любила ходить на рыбалку. Пока мы ждали улова и удочка была в воде, мы слушали камыш» (Юлия В.). Следовательно, основываясь на результатах подобного эксперимента, можно сделать предположение о характеристиках картины мира воспринимающего субъекта.

Не только жизненный опыт, ценности, знания о мире выявляются в эксперименте такого рода, но и свойства личности: «Читаешь стихотворение про камыши и понимаешь, что жизнь идёт, а камыши как шумели на берегу

озера, так и шумят. Нет уже Хлебникова, а его камыши шумят там, на берегу его озера. Проходят года, столетия, но есть нечто вечное. Священные камыши» (Владимир Б.). Эти несколько строк философского характера, безусловно, удивительны. И своей глубиной, демонстрирующей основательность и зрелость личности читателя, и умением его войти в сознательно закрытый с помощью слов-«загадок» дискурс хлебниковского произведения. Удивительно и пересечение этой мысли с выводами об особенностях темпорального и спационального измерений в художественном континууме В. Хлебникова [3].

Реципиенты очень редко, но всё же предпринимали попытки внедрения в ход своего рассуждения элементов литературоведческого анализа, используя соответствующую терминологию: «Героями стихотворения являются смехачи – люди, которые должны повеселить публику» (Валерия Р.); «Я думаю, в стихотворении описывается встреча с девушкой. Поэт описывает характер девушки через природу дня» (Анастасия П.); «Мне кажется, что автор пытается найти альтернативные способы передачи смысла произведения через звуки» (Алексей Г.); «В стихотворении шипящие слова, словно настоящие камыш, переносят мысленно на берег озера» (Юлия В.) и др. Подчеркнём, полноценного аналитического разбора ни в одной работе не представлено, что связано, в первую очередь, с элементарным отсутствием необходимых знаний и умений выполнять такой разбор.

Не каждому, как показал эксперимент, открылось хлебниковское слово. Кто-то попытался проникнуть в творческий замысел, кто-то осмыслил свои ощущения, возникшие в сознании образы, но всё же некоторые с сожалением констатировали: «Прочитав каждое стихотворение по несколько раз, я понял, что не могу понять ни одно из них. Как будто написано на иностранном языке. То есть слова вроде русские, но они ничего не означают. Таким образом, я, к сожалению, ничего не понял» (Владимир К.); «Впервые я сталкиваюсь с таким творчеством. Думаю, эти стихи могут впечатлить именно оригинальностью, но не уверен, что в них есть хоть какой-то смысл» (Дмитрий М.). Причина такого отрицательного результата попытки декодировать художественное произведение, возможно, лежит в том, что эти участники эксперимента не владеют достаточным уровнем эмпатии, образного мышления, эмотивной компетенции, а может, не имеют желания воспринимать текст, смысл которого, как загадка, не раскрывается с первых строк, соответственно, необходимо прикладывать усилия: «Сразу ничего непонятно. Над каждым словом надо думать. Это тяжело. В стихах всё должно быть понятно» (Андрей С.). И так, даже отрицательный результат декодирования поэтических строк «сложного» поэта Велимира Хлебникова даёт пищу для размышления об особенностях конкретной личности, её способностях как субъекта речевой деятельности.

Отдельно хочется посвятить несколько слов влиянию формата сочинения ЕГЭ на письменную речь студентов. Мы уже говорили об этом в своей работе, посвящённой концепту ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА в сознании студентов технических специальностей [5]. Несколько авторов анализируемых нами эссе, словно скованных рамками сочинения, предприняли попытку выявить проблему (в стихотворении!): «Стихотворение В. Хлебникова "Там, где жили свиристели..." очень понравилось, оно посвящено актуальной проблеме, волнующей многих людей <...>. Но авторская позиция явно не выражена» (Иван С.). Некоторые элементы анализа стихотворения отсылали к традиционным конструкциям (клише) сочинения ЕГЭ: «В стихотворении Велимира Хлебникова "Времыши-камыши" автор ставит проблему времени» (Андрей М.); «Читая это стихотворение, можно с уверенностью сказать, что автор в своём произведении ставит проблему смеха» (Людмила Ф.). На вопрос о том, с чем связан именно такой подход к написанию текста относительно свободного по своей форме жанра, студенты ответили, что в задании было указано написать эссе, соответственно, они думали, эссе пишется только так.

В заключение остановимся на завершающем задании эксперимента. Ребятам было предложено самим создать произведение, вдохновившись творчеством Хлебникова, или придумать новые слова. Отметим, что задание было дополнительным, выполнять его можно было по желанию. Изъявили желание творить только 21 % испытуемых. Некоторые из литературных опытов обнаруживают интересные находки. Например, слово *солнцадаjk* – солнечный город, территория, где солнца в изобилии, очевидно, возникшее из сочетания слов *солнце* и *клондаjk* в значении 'изобилие'. Отметим стихотворение студентки, юной поэтессы Юлии Вечерковой:

Избавьте от глякости и сероза!
Скорее верните природе весну.
Вдохнув глубоко ароматы мимозы,
От сладости в них утону.

Придуманные автором слова: *глякость* – 'грязь, слякоть', *сероз* – 'мороз, серый день, ассоциации с болезнью' – очень точно подмечают особенности, столь свойственные волгоградской ранней весне. Как видим, участники эксперимента, не филологи, выявили на уровне наивного, не профессионального восприятия общие закономерности хлебниковского словотворчества, попытались воспроизвести их в своих работах.

Таким образом, анализ полученного материала выявляет роль параметров и ценностных установок, которые определяют специфику картины мира носителей лингвокультуры, в декодировании речевых произведений. Декодирование доступно не всем носителям лингвокультуры, в основе этого «сбоя» лежат, как можно предположить, неразвитые механизмы эмпатии, ассоциативно-образного мышления и др. При декодировании речевого произведения, как показывает анализ тех работ, в которых авторы подробно описывают результаты восприятия стихотворений Хлебникова, а иногда и сам процесс, именно эмоционально-оценочные, ассоциативно-образные смыслы первичны, в отличие от слоя содержательного, денотативного, глубинного. Постигание этого глубинного слоя опирается на первично вычлененные смысловые элементы. Распознавание смысла произведения как реконструкция некоторой модели ситуации обнаруживает фрагмент картины мира декодирующего субъекта. В связи с этим обратимся к словам профессора Н.Ф. Алефиренко: «Синергетическое единство когнитивно-прагматической и дискурсивной деятельности автора и читателя – важнейшая сфера интересов когнитивной лингвопоэтики, интегрирующей знания о порождении словесно-художественного мышления и сведения; о восприятии и понимании языковых знаков, репрезентирующих в художественном тексте соответствующие когнитивные структуры, под которыми понимаются содержательные формы имплицитного кодирования и хранения информации» [2, с. 33].

Подводя итог, отметим следующие положения, важные в когнитивно-прагматическом аспекте проблем восприятия поэтического дискурса. Декодирование – это сотворчество, результатом которого становится новый когнитивный объект. Результат декодирования во многом определяется когнитивно-прагматическими векторами воспринимающего, декодирующей способностью языковой личности, степенью развития механизмов эмпатии, ассоциативно-образного мышления, эмотивной компетенции. Восприятие глубинного слоя дискурса доступно не каждому, для этого необходим духовный, интеллектуальный труд, к которому готовы не все читатели. Чаще они ограничиваются поверхностным восприятием на уровне первых впечатлений, эмоционального отклика. Кроме того, частотным оказалось моделирование ситуаций, о которых идёт речь в стихотворении, ситуации, в которой произведение создано, что подтверждает роль фрейма в когнитивной структуре дискурса интерпретации.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Дискурс в свете нейролингвистики / Н.Ф. Алефиренко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – № 7 (228). – С. 5–12.
2. Алефиренко Н. Ф. Категория имплицитности художественного текста в когнитивно-дискурсивном аспекте / Н. Ф. Алефиренко // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 2. – С. 28–34.
3. Ганин М. В. Универсум стихотворения В. Хлебникова «Времыши-камыши»: актуализация динамизированного пространства «священного шума» / М. В. Ганин // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2011. – № 4–2 (72). – С. 25–31.
4. Григорьев В. П. Будетлянин / В. П. Григорьев. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 816 с.
5. Калёнова Н. А. Концепт ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА в языковой картине мира студентов инженерно-строительных специальностей / Н. А. Калёнова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2017. – № 22–2. – С. 169–171.
6. Свечникова И. Н. «Поэта неведомый друг...» (поэтический мир В. Хлебникова в восприятии младших и старших школьников) / И. Н. Свечникова // Гуманитарные исследования. – 2009. – № 3 (31). – С. 216–230.
7. Томашевский Б. В. Поэтика. Краткий курс / Б. В. Томашевский. – М. : СС, 1996. – 118 с.
8. Шестак Л. А. Когнитивная теория текста / Л. А. Шестак // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания : юбилейный сборник научных трудов к 65-летию проф. Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта, 2011. – С. 328–334.

References

1. Alefirenko N. F. Diskurs v svete nejrolingvistiki // Naučnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Gumanitarnye nauki, 2016, № 7 (228), pp. 5–12.
2. Alefirenko N. F. Kategoriâ implicitnosti hudožestvennogo teksta v kognitivno-diskursivnom aspekte // Gumanitarnye issledovaniâ, 2011, № 2, pp. 28–34.
3. Ganin M. V. Universum stihotvoreniâ V. Hlebnikova «Vremyši-kamyši»: aktualizaciâ dinamizirovannogo prostranstva «svâšenno go šuma» // Vestnik Čuvaškogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. I.Â. Âkovleva, 2011, № 4–2 (72), pp. 25–31.
4. Grigor'ev V. P. Budetlânin. M.: Âzyki russkoj kul'tury, 2000. 816 p.
5. Kalënova N. A. Koncept PROFESSIONAL'NAÂ REČEVAÂ KUL'TURA v âzykovoj kartine mira studentov inženerno-stroitel'nyh special'-nostej // Lingvoričeskaâ paradigma: teoretičeskie i prikladnye aspekty, 2017, № 22–2, pp. 169–171.
6. Svečnikova I. N. «Poëta nevedomyj drug...» (poëtičeskij mir V. Hlebnikova v vospriâtii mladših i starših škol'nikov) // Gumanitarnye issledovaniâ, 2009, № 3 (31), pp. 216–230.
7. Tomaševskij B. V. Poëtika. Kratkij kurs. M.: SS, 1996. 118 p.
8. Shestak L. A. Kognitivnaâ teoriâ teksta // Kognitivno-pragmatičeskie vektory sovremennogo âzykoznanîâ. M.: Flinta, 2011, pp. 328–334.